

Татьяна Масс

Божья песенка

Отец Жак пытался набрать в Word праздничную проповедь. Всмотривался в экран, писал текст, стирал его, вновь стучал по клавиатуре. Свежих примеров для вразумления своих прихожан у него уже не находилось. За полвека служения кюре успел перебрать в своих выступлениях с амвона даже мелкие грешки рода человеческого. И его уже не вдохновляло вновь и вновь объяснять своей пастве, зачем родился Спаситель. Он замечал, как все они облегчённо вздыхают, когда органщик начинает нетерпеливо перебирать ногами по деревянным педалям церковного органа, что означает близкое завершение проповеди.

Священник поднял глаза от экрана, посидел в тишине. За окном моросил мелкий декабрьский дождь. К замку, что высился неподалёку на холме, подъехали два мини-автобуса с рабочими.

«Значит, баронесса всё-таки приедет», — подумал кюре.

Баронесса предпочитала отель в Монако или в Лос-Анджелесе. Она не любила этот замок. И не жила в нём. Но, как и предыдущие поколения владельцев, баронесса заботилась о своём родовом гнезде.

Замок был реликвией, ветшающим знаком их древнего рода, бывшего господства фамилии и мощи, воплощённой в этих стенах. Музей, а не место жительства.

Баронесса любила тепло, солнце, движение, толпу. Но в каждое Рождество она приезжала на три дня в маленький городок в Нормандии, устраивая торжественный обед для нынешней «знати»: мэра, полицмейстера, кюре.

Перед её приездом управляющий нанимал дополнительных работников, чтоб очистить дорожки парка от листьев и веток, проветрить и вымыть дом, начистить паркет и люстры, проверить трубы, паровые котлы, канализацию, заменить электролампочки, закупить у лучших фермеров продуктов и вина.

В этом году прошёл слух, что баронесса не приедет. Но вот опять, как всегда в середине декабря, управляющий развёл работы вокруг замка, что означало скорый приезд хозяйки.

На колокольне зазвонили колокола. Это была репетиция перед праздничными мессами. Новенькая — монахиня Катрин — привезла из монастыря в Германии компьютерную программу для колокольни и проверяла её сейчас, закладывая в базу данных новые мелодии. Монахиня была молодая, в ней ещё играли кураж и озорство. Вот сейчас на всю округу церковные колокола запели старинную немецкую песенку: «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин!»

Прохожие на площади удивлённо заворочали головами на колокольню. Городок превратился в большую музыкальную шкатулку с наивными куколками-людьми, двигающимися под механическую сентиментальную мелодию. Хмурый булочник выглянул из своей пекарни: посмотрел на церковь, почесал голову, поправил свой колпак и скрылся.

Кюре от души рассмеялся. Зажужжал телефон, ползая, как жук по столу, и, ещё продолжая смеяться, кюре ответил на звонок: — Слушаю.

Голос викария удивлённо спросил:

— Вы что, смеётесь?

— Ну не плачу же, монсеньор, — ответил кюре.

И викарий сделал тяжёлую паузу.

— Я не хотел вас беспокоить перед Рождеством, дорогой брат, но вынужден сделать это.

— Всё по той жалобе?

— Да. Вы же знаете, что господин Вильен вместе со всей своей семьёй сейчас перешёл в другой приход, но собирается вернуться после того, как я сообщу ему о результатах моего разговора с вами, дорогой брат во Христе.

— Я не буду извиняться перед ним, — резко ответил кюре.

— Помолчите и выслушайте: Вы нарушили принцип таинства исповеди, обругав человека, который вам доверил свои тайные пороки. Это недопустимо в нашей церкви.

— Я его не обругал, я просто напомнил ему, что про этот тайный порок он рассказывает мне уже тридцать лет — и не делает никакой попытки от него избавиться. Для него исповедь, видимо,

просто традиция, обряд. У него ни капли сожаления или раскаяния. Что я мог ещё ему сказать?

— Помолчите, — приказал голос викария в телефоне. — Если вы не принесёте ему свои извинения, вам могут грозить серьёзные неприятности, а мне было бы жаль наказывать вас. Вы знаете, что я всегда относился к вам с большой теплотой.

— Хорошо, в следующий раз я выдам ему индульгенцию на этот грех, чтоб больше никогда не слышать о нём, — рассердился кюре.

Викарий в возмущении замолчал и прервал разговор.

Через два дня кюре получил приглашение на Рождественский сочельник у баронессы. Он хотел было отказать: устал, вымотался за последнее время. Но, подумав, всё же решил пойти. Сочельник в церкви, а потом ненадолго к баронессе — и домой, чтобы успеть отдохнуть перед воскресной мессой.

«Ну, я им задам праздничную проповедь!» — думал священник. Он был немного раздражён в последнее время — возраст давал себя знать. И ещё усталость, накопившаяся в его устаревшем теле.

От сырого промозглого ветра болели суставы, он с трудом выстаивал мессу в последнее время.

Ещё жалоба, которую написал на него викарию его постоянный прихожанин... Да, он сорвался, резко сказал ему во время исповеди: «Послушайте меня: сколько можно повторять этот грех?» — вместо слов: «Иди с миром!» И человек обиделся и теперь ездит на мессы в другой храм за тридцать километров.

Да, видно, месье Вильену легче поменять приход, чем перестать разглядывать непристойные журналы...

Христос как будто не приходил в этот мир — горько думал старый священник. Или мы уже привыкли к тому, что Он приходил...

Вернувшись вечером к себе (он жил в приходском крошечном доме), отец Жак решил наконец-то разобрать накопившиеся счета и бумаги. На кухне хозяйничала старая монахиня Тереза. Она готовила ему ужин. Был пост, на плите томился овощной суп. Влажный запах капусты и лука повис облаком.

— Тереза!

— Да, отец Жак?

— Вы были сегодня у мэра?

— Да, отец Жак.

— И что он ответил на мою просьбу?

— Он сказал, что, к сожалению, он вынужден убрать рождественские ясли из мэрии. Это приказ префектуры... По всей Франции из публичных пространств убирают рождественские символы.

— Но почему...

— Говорят, что эти символы оскорбляют мусульман, — перебила его Тереза.

— Я знаю эти смешные аргументы. Но почему мэр согласился? Ведь он, да и другие мэры могли бы побороться...

Перед сном, поев невкусного овощного супа — Тереза не умела готовить, — кюре помолился горячо о том, чтобы Христос не покинул Францию, где Его так попирают...

Лёг спать, покряхтывая временам от боли, стреляющей в суставы. Перед сном кюре всё думал, правильно ли он сделал, став священником.

«Отец, а может быть, ты был прав, и мне следовало бы стать врачом? Я, кажется, зря прожил свою жизнь, никого не обратил в веру, я негодный старый пердун, а не священник!» — ругал себя старик. Он даже заплакал от тоски и одиночества. В минуты разочарований и усталости собственная жизнь, как никогда, кажется глупой пародией, презрительной шуткой.

Вечером в сочельник в храме кюре сказал самую короткую проповедь в своей жизни:

— Вчера моя помощница Катрин включила светскую песенку на колокольне. Колокола отбивали такт, перезванивая, как шкатулка с музыкальным сюрпризом. Все люди на площади удивились, услышав эту музыку. Может быть, кто-то из вас вчера слышал эту старинную песенку с нашей колокольни?

(Многие слушатели закивали головами.)

— А лишь одна женщина на площади не удивилась этой музыке. Она удивилась лишь тому, что все прохожие остановились и смотрели на колокольню. И знаете почему? Потому что уважаемая дама эта — магрибинка, женщина в хиджабе, и она просто не знает эту знаменитую в Европе песенку про милого Августа. Она могла подумать, что это молитвенный гимн или ода Господу. Ну, такая Божья песенка. Ей всё равно. Мы все подобны этой женщине, не умея разбирать духовные мелодии нашей жизни. Нам по большому счёту всё равно — нежная ли это грусть, радость о Господе или зависть к соседу стучится в наше сердце. Мы не слышим! Проходим мимо самого важного — того, что живёт внутри нас... А ведь это наши собственные чувства и мысли. Мы совершенно не знаем себя и не имеем трезвой оценки своего внутреннего состояния. Христос родился в мир, чтобы мы научились слышать невидимое — голос Святого Духа — Обличителя и Наставника. Я вот думаю: неужели Христос пришёл зря? И мы за две тысячи лет так и не научились духовному слышанию? Мы — давайте признаем это — чужаки на территории Святого Духа.

Прихожане внимательно слушали его. Кажется, впервые в жизни. Конечно, проповедь была не-праздничной, слабой с точки зрения церковной риторики. Тут не привыкли к таким простеньким речам с кафедр. Но священник говорил как власти имеющий. И некоторые слушатели задумались. Ненадолго. Потому что людей ждали семейный ужин, подарки, радость любимого праздника — Рождества.

Баронессе было за сорок пять, но на вид не больше тридцати пяти. Смешливая, живая, подвижная, смуглолицая, с крупным породистым носом. Глядя на неё, никто бы не назвал её пышным титулом — баронесса.

Она уважала пластическую хирургию — и часто меняла своё лицо.

Кюре, войдя в гостиную и обняв баронессу, сказал ей:

— Ну вот, ты опять изменилась! Как посвежело и помолодело лицо. Жаль, что нет таких врачей, которые бы враз так улучшили бы нашу душу...

Незнакомая с кюре мадам, приехавшая с баронессой из Парижа, удивлённо подняла брови, выслушав такой странный комплимент от старого священника. А баронесса рассмеялась. Она знала этого человека с детства, он крестил её и её сестру, проводил конфирмацию, ему она исповедовала свои первые детские грехи.

Ужин проходил тепло и уютно. За окном бушевала буря, ветер хлестал по деревьям парка и по окнам мощными порывами. В большой столовой за огромным столом, покрытом хрустящей льняной скатертью, шли неторопливые разговоры, раздавался смех, стук приборов. Неслышно сновали приглашённые официанты, метрдотель следил за порядком подачи блюд.

После ужина баронесса начала вручать подарки. Для каждого у неё был припасён приятный и многозначительный сюрприз. Мэру она подарила галстук Шарля де Голля, полицмейстеру, увлекающемуся игрой на скрипке, — старинный пюпитр. Для кюре она привезла гобелен, выполненный по картине «Грехопадение» художника шестнадцатого века Корнелиса Корнелиссена. Адам и Ева стоят голые, едва прикрытые фиговыми листиками, а райские животные в страхе жмутся к земле.

Кюре посмотрел-посмотрел на гобелен и решительно отказался принять его, сказав, что ни за что не повесит его ни в доме, ни в храме.

— Голые люди не могут находиться в святом месте! — проворчал старик.

— Это же прародители, — улыбнулся полицмейстер, подмигнув незаметно всем.

— Ну а папу и маму нужно уважать, — ответил ему кюре.

— Да, эксцентричный у вас кюре! — шепнул на ухо баронессе один из её гостей.

Той было неловко за свой неудавшийся сюрприз.

В кабинете баронессы, куда она пригласила кюре, все стены были увешаны семейными фотографиями: Барон Т., дедушка баронессы, на охоте рядом с тушей убитого им кабана, свадебная фотография её родителей, фото младенцев — баронессы и сестры.

Вот она — девочка пяти лет в сарафанчике — на яхте, с плачущим лицом.

— Я впервые вижу это фото здесь, — обратился отец Жак к баронессе.

— Да, я недавно нашла его, — баронесса подошла к стене с фотографиями. — Помню, как я заплакала оттого, что увидела мёртвую чайку на нашей яхте.

— Какая же ты была ангел, — сказал кюре. — Твоё чистое сердечко залилось слезами от сострадания... Ну как ты живёшь, моя дорогая?

— Спасибо, отец Жак, всё у меня по-прежнему.

— Ну да, всё по-прежнему... В храм не ходишь, не молишься, Евангелие не читаешь. Даже сегодня, в сочельник, не пришла на мессу.

— Было много дел... — улыбнулась баронесса.

— А я знаю, отчего ты не ходишь в храм. Ты думаешь так: «Ну о чём мне молиться, дорогой отец Жак? У меня всё есть!» Я скажу, чего у тебя нет, — продолжал кюре. — У тебя уже нет слёз сострадания, которые были у тебя в детстве, а значит, в тебе уже нет истинной жизни. Моё дорогое дитя, прости мне такие резкие слова. Я сказал их, потому что не уверен, что мы ещё раз увидимся. Я ведь уже очень стар.

— Ну что вы, отец Жак! Вы в прекрасной форме! — запротестовала баронесса. — Я уверена, мы ещё не раз увидимся с вами. Но если у вас возникнут проблемы со здоровьем, я отправлю к вам наилучших врачей. И вы будете жить долго, наш дорогой кюре.

Баронесса привезла из Парижа знаменитого философа, только что выпустившего новую книгу. Месье был ироничен, умён, наблюдателен. Он скромно просидел весь ужин, тихо переговариваясь с ближайшими соседями по столу, но в гостиную по просьбе баронессы он рассказал немного о своей теории Креста и нынешнего положения человечества:

— Вертикаль Креста — это дорожный указатель Бога, а горизонталь — это путь человека. Человечество сегодня актуализируется в обыденном — люди стали внимательнее к себе, к своим мыслям, устремлениям. Мы научились ценить каждый день

жизни, но при этом мы стали эгоистичны. Когда человечество наживётся в этом «умении жить» по-земному и устанет от него, тогда мы приблизимся к вертикали Креста, соскучимся по Духу. Это будет сознательный путь людей к точке пересечения — к крестовине, и наша горизонталь пересечётся с вертикалью божественного пути.

Присутствующие невольно посмотрели на юре, видимо, ожидая комментариев от духовного лица, но старик как будто ничего не слышал — он дремал в кресле: казалось, тепло камня и сытный ужин совершенно разморили его.

Баронесса же хорошо знала своего духовного отца.

— Отец Жак, вам не избежать наших вопросов после презентации новой теории, — обратилась она к нему.

— Да что тут нового? — невинно открыл свои голубые выцветшие глаза юре. Видно было, что он совершенно бодр и свеж и не собирался спать. — Люди испокон веков придумывают новые теории, чтобы держаться подальше от Бога. А на самом деле эта горизонтальная жёрдочка, на которой мы сидим, это и есть наша жизнь. И мы в ней просто устраиваемся поудобнее. И вовсе никуда не движемся. Разве только меняю один сорт кофе на другой. Поверьте-ка старому священнику: никакого пути к Богу без сознательного выбора и усилия для человека не существует. Посмотрите, как высоко мы оцениваем, к примеру, творения человеческого гения: картины продаются сегодня на аукционах за миллионные суммы! В каждый истинный шедевр вложено немало усилий и труда — и самой человеческой личности. А по теории, которую я сейчас услышал, выходит, что духовная жизнь может совершиться автоматически, без всякого усилия, по инерции: наскутит нам наслаждаться обычной жизнью — тут нас и поджидает путь в райские обители. Извините, тут даже не хочется ни о чём спорить. Ведь на самом деле жизнь по инерции — это путь в ад...

Философ как-то по-особенному благожелательно улыбнулся юре, окинув взглядом присутствующих:

— Святой отец, благословите меня доработать с учётом ваших пожеланий. И молитесь обо мне! Я люблю жизнь — каюсь, люблю красивых женщин, хорошее вино.

Юре внимательно посмотрел на него:

— Вы мне напомнили одного нашего прихожанина, который так долго кается в своём тайном пороке, что, кажется, даже гордится им.

— Уж не мужчин ли любит ваш прихожанин? — вступил в разговор месье в кожаной куртке и тагуировках.

— Нет, что вы! — замахал руками отец Жак.

— Он прелюбодей? Рукоблуд? Извращенец? — легко выстреливал вопросами тагуированный гость.

Священник совершенно растерялся от этих нападок и замолчал. Его худая шея неуклюже высовывалась из белой сутаны, он сник и ссутулился.

Некоторые гости рассмеялись: юре при этом споре потерял все аргументы, сбитый с толку энергичным натиском человека в кожаной куртке, и выглядел как-то уж очень по-детски беззащитно и растерянно. Смеялась над ним по-доброму и баронесса.

Возвращаясь домой, юре остановил машину на общей стоянке. Буря ещё не утихла. Священнику приходилось останавливаться, пережидая порывы холодного влажного ветра. Он вспоминал вопрос, что задала ему одна гостья напоследок: «Зачем вы, христиане, всё время призываете страдать?» Он ей ничего не ответил. Она, кажется, спросила искренне. Может, надо было ответить? «Струсил, побоялся вновь стать осмеянным, — укорял себя юре. — Где моё дерзновение?.. Старый я, никчёмный человек...»

И, проходя мимо храма, он увидел, что ветер хлопает тяжёлой дверью. Было уже два часа ночи, монахины должны были убрать и закрыть храм, поэтому юре, сильно удивившись, толкнул тяжёлые ворота и взгляделся в полумрак. Прислушался. Да, там у алтаря горел свет, и кто-то как будто плакал.

— О Господи! — вздохнул юре. — Что опять случилось? Даже в Рождество нет покоя!

Но, проходя меж рядами стульев и приближаясь к алтарю, он понял, что здесь произошло что-то невиданное, особенное: некоторые стулья были опрокинуты, светильники сброшены со стен... В алтаре плакала женщина.

— Боже милостивый! — испугался юре. — Что здесь происходит?

Из алтарного помещения вышли на звук его голоса три человека. Их лица были закрыты чёрными масками.

— Что, старик, не ждал в Рождество гостей?

— Что вам тут понадобилось?

— Мы пришли проверить вашу веру. Твои монахины уже отреклись от Христа — старая сказала, что Христос для неё не важен. (При этих словах раздался тихий всхлип Терезы, которая, оказывается, сидела связанная на полу у кафедры.) Ну а молодая просто соглашалась со старой. За это мы подарили им жизнь.

— Да кто вы такие, чтоб дарить жизнь? — не сдержался юре. — Этой возможности у вас нет, не лстите себе. Вы не Господь Бог.

— Что ты мелешь, старый идиот? — угрожающе усмехнулся главный из трёх. — Ты бы видел, как твои монашки целовали нам руки!

Монахинь приволокли поближе. Они были избиты, со связанными руками. Тереза постоянно тихо всхлипывала, Катрин молчала. У неё на лице виднелся огромный кровоподтёк.

Трое в масках приказали целовать им руки — монахини послушно перецеловали руки этим людям. Но тем показалось этого мало, и они выставили вперёд свои ноги, приказав «почистить слезами» их кроссовки. Монахини со всхлипыванием подчинились.

Священник смотрел на всё это с опрокинутым дрожащим лицом.

— Ну а теперь твоя очередь, старый кретин, — обратился главный из этих троих к нему. — Ну давай, отрекайся от своего Христа и поклонись нам — мигрантам, грязным арабам. Иначе...

— А вот тебе отречение! — кюре выставил фигу в лицо главному. — И вот тебе поклонение! — выставил вторую фигу.

— Ы-ы-ы-ы! — страшно захрипел он, когда они полоснули ему по горлу ножом.

Полицейские, допросив монахинь в госпитале, куда их привезли с ранениями и ушибами, ушли под утро. Катрин, засыпая на койке скорой помощи, с тяжёлой от лекарств головой, вдруг сказала:

— А ведь мы были бы уже с Ним сейчас.

Тереза заплакала.

В храме при отпевании отца Жака vicарий сказал о том, что это был человек праведной

жизни: во время службы в армии в Алжире он, молодой солдатик, отказался убивать людей. И что во время подготовки к похоронам оказалось, что у отца Жака нет ни одной незаштопанной сутаны: все свои деньги он отдавал бедным семьям и нуждающимся людям. Люди слушали эти речи и переминались с ноги на ногу.

При отпевании кюре компьютер дал сбой, и колокола на храме несколько минут вызванивали песенку «Ах, мой милый Августин!» вместо надрывного траурного боя. И почему-то именно тогда вся церковь залилась слезами.

Рассказ написан на основе реальных событий. В 2016 году СМИ сообщили: «Сторонники „Исламского государства“ захватили заложников в церкви городка Сент-Этьен-дю-Рувре, расположенного в Нормандии на севере Франции. Жертвой нападавших стал восьмидесятишестилетний настоятель храма Жак Амель. По сведениям всё того же британского издания, злоумышленники перерезали ему горло, а затем нанесли сильные ранения ещё одному посетителю храма — в настоящее время он находится в госпитале в тяжёлом состоянии. Ещё с тремя освобождёнными заложниками работают психологи».

Франция, июнь 2021